



Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

№ 38
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: О смиреніи. — Снѣжная буря лѣтомъ... (Къ 8 іюля). *Свящ. А. Лебедева.* — Нынѣшняя деревня. *.* — Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О С М И Р Е Н І И.



Велика добродѣтель смиреніе и кротость. Эта добродѣтель сдѣлала Моисея столь великимъ и славнымъ. Съ смиренномудріемъ ничто не можетъ сравниться. Потому и Христось началъ съ него ученіе о блаженствахъ: намъ вѣраясь положить какъ бы основаніе величайшаго зданія, Онъ положилъ прежде всего смиреніе. Безъ него невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавалъ милостыню, но если это дѣлаетъ съ гордостію, и не имѣетъ смиренія,—все это худо; а если дѣлается съ смиреніемъ, то вождельнно. достолюбезно и благонадежно. Итакъ смиримъ себя, возлюбленные, смиримъ; и если будемъ бодрствовать надъ собою, то эта добродѣтель будетъ для насъ очень легка. Да и что въ самомъ дѣлѣ можетъ возбудить тебя къ гордости, чело-вѣкъ? Не видишь ли ты ничтожества твоего естества?—удобопреклонности твоей воли? Подумай о своей кончинѣ, помысли о множествѣ грѣховъ. Но, можетъ быть, ты совершилъ много великихъ дѣлъ,—и потому высокоумдрствуешь о себѣ? Но этимъ-то и теряешь все. Ибо не столько грѣшнику, сколько добродѣтельному нужно заботиться о смиреніи. Почему такъ? Потому что грѣшникъ понуждается къ смиренію совѣстію, а добродѣтельный, если не очень бодрствуетъ надъ собою, какъ будто подъятый вѣтромъ, превозносится и тотчасъ омрачается подобно извѣстному фарисею. Ты помогаешь бѣднымъ; но ты подаешь имъ не свое, а Господне, общее для всѣхъ подобныхъ тебѣ рабовъ Его. Поэтому-то, въ несчастіи ближняго провидя и свое собственное и въ другихъ изучая свою природу, тѣмъ болѣе надобно смиряться. Можетъ быть, и мы произошли отъ такихъ же бѣдныхъ предковъ; а если намъ досталось богатство, то оно снова можетъ и уйти отъ насъ. Да что такое и богатство? Тѣнь пустая, дымъ исчезающій, цвѣты травы, или лучше сказать и цвѣта ничтожнѣе. Что же ты надмеваешься травою? Не достается ли богатство и ворами, и любодѣямъ, и блудникамъ и расхитителямъ гробовъ? То ли надмеваешь тебя,

что имѣешь такихъ сообщниковъ въ стяжаніи? Или ты любишь честь? Но для чести нѣтъ средства вѣрнѣе милостыни; ибо почести, приобретаемая богатствомъ и преобладаніемъ власти, бывають вынужденны и ненавистны для другихъ; а почести изъ-за милостыни воздаются по доброй волѣ и по совѣсти людей почитающихъ. Потому-то сами почитающіе никогда не могутъ и отнять этихъ почестей. Но если люди питають такое уваженіе къ милостивымъ и желаютъ имъ всѣхъ благъ: то подумай, какую награду, какое воздаяніе получаютъ они отъ чело-вѣколюбца Бога. Будемъ же искать этого богатства, вѣчно пребывающаго, никогда неисчезающаго, да, сдѣлавшись великими здѣсь и прославившись, тамъ достигнемъ вѣчныхъ благъ.

(Св. Іоанна Златоустаго изъ 33 Бесѣды на Ев. Іоанна).

СНѢЖНАЯ БУРЯ ЛѢТОМЪ.

(Къ 8 іюля)

Изъ подъ мглы вѣковъ встаетъ предъ мысленнымъ взоромъ одно чудесное событіе изъ жизни Св. Прокопія Праведнаго. 604 года тому назадъ 8 іюля во градѣ Устюгѣ былъ мразъ великій: снѣгъ покрылъ всю землю и даже засыпалъ самое охладѣвшее тѣло только что усопшаго Праведника. Это явленіе природы, не ко времени приключившееся, встревожило сердца обывателей; взволновались за свои сѣянія и злаки полевые; но буре по суду міра Господь избралъ во благо людямъ; отъ хлада погибли вредоносные черви земли, а отъ възгрѣнія солнца послѣдовавшая влага уплодоносила во много кратъ полевую ниву. Такъ физическая буря невидимою Десницею направляется во благодѣтельство челоуѣчеству въ его насущныхъ тѣлесныхъ потребностяхъ. Не тоже ли бываетъ и въ духовной области челоуѣческихъ отношеній? Надвигалась не разъ и ранѣе, а нынѣ особенно надвигается буря лжеименнаго разума и порочнаго сердца; разыгрываются волны сомнѣнія, маловѣрія и невѣрія, бушуетъ девятый валъ клокочущихъ страстей, сушитъ и леденитъ сердца узкое себялюбіе; *голодь* и *духъ буренъ* самочинія и высокоумія и гордости житейской терзаетъ и рветъ на части семьи, общества и цѣлыя государства, не щадя и троновъ царскихъ... При видимомъ господствѣ злобы ужасъ объемлетъ вѣрующія и боголюбивыя

души. Какъ быть? какъ жить, какъ удержать и остановить бурный разливъ нечестія среди современнаго поколѣнія, особенно юнаго, какъ сохранить сокровище вѣры? Разъ скорбная, но разсуждающая мысль устремилась къ вѣрѣ, здѣсь же она и обрѣтаетъ разрѣшеніе своего смятенія. Вотъ предъ нами тоже велия буря на Тиверіадскомъ морѣ: бурный вихрь мечетъ и рветъ утлую ладью и грозитъ гибелью сѣдящимъ въ ней простымъ рыбалямъ, Апостоламъ; опасность доходитъ до высокой стени; среди грозныхъ ужасовъ природы появляется вдругъ спокойный величавый Ликъ Спасителя, шествующаго по водамъ, и раздается Его всемогущее слово: „не бойтесь, это—Я!“ Вотъ и другая уже умственная, но суемудренная и разсчитанная буря слѣпотствующихъ книжниковъ и фарисеевъ разгоняетъ всѣхъ даже самыхъ близкихъ послѣдователей Христа; но и среди ея мнимаго торжества льется тоже высокоумилительное слово: „да не смущается сердце ваше“...—и *бусть міра* смѣняется торжествомъ и славой Креста. Послѣ этихъ указаній вѣры и при вихрѣ самопрельщенной учености не слышится ли въ сердцѣ внутренняго сокровеннаго человѣка тотъ же сладчайшій гласъ: не бойся, это—Я! Какую бы бурю противъ Моего царства духъ злобы ни силился воздвигнуть, не бойтесь, только вѣруйте; врата ада не одолѣютъ его; во время сильнаго натиска ея спѣшите укрыться подъ сѣнь Моей Церкви въ простотѣ вѣры, подобно тому какъ и во время бури въ природѣ спѣшатъ укрыться подъ какимъ либо кровомъ. Вся эта горделивая и коварная буря созданія противъ Создателя, уже не разъ повторявшаяся въ міровомъ бытіи, попускается Моею же волею, да откроются помышленія сердець, да исторгнутся дикіе плевели, тѣмъ болѣе опасные, чѣмъ болѣе они прячутся подъ обликомъ внѣшняго міра... Воспроизведенное въ памяти дивное событіе изъ жизни Угодника Божія является отвѣтомъ нашему встревоженному духу: какъ боо слишкомъ лѣтъ тому назадъ снѣгъ и мразъ бури послужилъ вопреки, ожиданіямъ людей, ко благу ихъ, такъ и современный хладъ бушующихъ умовъ и сердець лишь орудіе невидимой Десницы къ духовному росту потаеннаго человѣка. Искусство вѣры содѣлываетъ терпѣніе; терпѣніе же въ притрудностяхъ приведетъ къ совершенству (Іак. 1, 2—4). Въ злостраданіяхъ тѣла и духа возрастаетъ душевная красота и благолѣпіе избранниковъ Божіихъ, ради которыхъ стоитъ міръ и число которыхъ хотя бы и не превышало Авраамову пятирицу. Въ наши бурные дни ни злое душегубство, ни злое безвѣріе не останавливаютъ потокъ народной волны; православные русскіе люди не перестаютъ стекаться къ св. мѣстамъ Угодниковъ Божіихъ, стремясь найти здѣсь успокоеніе въ тревогахъ сердечныхъ; при этихъ небесныхъ свѣточахъ среди холоднаго и страстнаго міра, стоитъ ли смущаться и тревожиться, не лучше

ли твердо и спокойно стоять въ вѣрѣ (1 Кор. 16, 13), крѣпче соединяться всюду—и въ словахъ и дѣлахъ — и твердо носить знамя вѣры ко благу своему и вразумленію препирающихся, блюсти со тщаніемъ единеніе духа въ союзѣ мира съ св. православною Церковію.

Свящ. А. Лебедевъ.

НЫНѢШНЯЯ ДЕРЕВНЯ.

Лѣтомъ прошлаго года около мѣсяца пришлось мнѣ провести въ деревенской глуши, въ одномъ изъ многолюдныхъ сель Н-скаго уѣзда. Коренной житель деревни, я мечталъ отдохнуть душой отъ шумной и душной городской атмосферы, отъ всевозможныхъ беспорядковъ и сутолоки. Я думалъ найти тамъ старый патриархальный бытъ съ его крѣпкими устоями, съ его преданностью хрістіанской вѣрѣ и православной Церкви. Въ моемъ воображеніи рисовался Божіи храмъ, наполненный молящимися въ день Хрїстова праздника, съ благолѣпнымъ хоромъ пѣвцовъ и пѣвицъ, среди которыхъ немало учащихся дѣтей... Вотъ какія перспективы представлялись мнѣ издалека. Но увы! Деревня въ ея настоящемъ вызвала въ моей душѣ одни только горькія разочарованія.

Вотъ насталъ праздникъ. Я ожидалъ, что центромъ народной жизни будетъ въ этотъ день приходскій храмъ и церковное Богослуженіе. Село многолюдное. Говорятъ, болѣе зоо домовъ. Есть кому собраться на духовное торжество. Храмъ прекрасный, свѣтлый, просторный, изукрашенный чудною Строгановскою живописью—завѣтное наслѣдіе предковъ. Къ сожалѣнію, въ немъ болѣе чѣмъ наполовину пусто. Кое гдѣ стоятъ женщины, мужчинъ мало. Такъ падаетъ вѣковая набожность русскаго челоуѣка!

Что особенно меня поразило, это—почти совершенное отсутствіе въ храмѣ дѣтей. Узнаю, въ селѣ есть многолюдное министерское училище съ нѣсколькими учителями. Для нихъ даже особый домъ возвыгнутъ на казенныя суммы, какъ разъ у церковной ограды. Въ чемъ же дѣло? Неужели пресловутое „освободительное движеніе“ коснулось и этого старожитнаго угла, пустило уже свои корни и приноситъ плоды по роду своему? Просто таки не вѣрилось. Но печальная дѣйствительность вскорѣ обнаружилась во всей неприглядности.

Иду однажды по улицѣ села. Слышу—пѣсня раздается.... Дѣтскіе голоса съ одушевленіемъ поютъ что-то. Прислушиваюсь. Мотивъ не деревенскій. И вотъ до ушей моихъ доносятся звуки давно уже опошлившейся въ городѣ пресловутой „марсельезы“:

„Дружно, товарищи, въ ногу,
Сердцемъ окрѣпнувъ въ борьбѣ“....

Подхожу къ пѣвцамъ. Это были еще дѣти—подростки, едва ли поступившія въ школу. Желая остановить надоѣвшую мелодію, я довольно энергично сказалъ пѣвчимъ, что это не хорошая пѣсня. Ее ненужно пѣть, особенно дѣтямъ. Хотѣлось вѣрить, что пастырскій голосъ не потерялъ еще въ деревнѣ своего авторитета. Но напрасно!... Отошелъ и вслѣдъ за собою слышу:

„Вставай, подымайся рабочіи народъ“...

Въ умахъ дѣтей, вѣроятно, составилось уже представленіе о „черносотенцѣ“. Съ тѣхъ поръ среди нихъ я сдѣлался предметомъ „травли“. Когда случалось опять проходить мнѣ знакомыми улицами, я часто слыхалъ изъ-за уголка звуки той пѣсни, противъ которой я такъ ратовалъ. Даже больше. Смотрю на крышу дома, противоположнаго моей временной квартирѣ, и на ней водружается невидимой рукою то одинъ небольшой красный флагъ, то другой... Такъ эти флажки и услаждали мои взоры во все время моего пребыванія въ деревнѣ. Вотъ она—современная цивилизація! Она уже успѣла проникнуть въ деревню и пустить здѣсь глубоко свои корни. Меня поразило еще то, что когда кто-либо изъ упомянутыхъ пѣвцовъ по-одиночкѣ встрѣчалъ меня на улицѣ, вѣжливо кланялся и привѣтствовалъ: „здравствуй, батюшка!“

Это-ли не городскіе нравы! Вѣжливость вовнѣ, презрѣніе и издѣвательство внутри.

Наблюдаю за народомъ. Что-то особенное отражалось въ его будничной жизни. Нѣтъ той русской открытой, доброй, искренне расположенной души. Какъ будто крестьяне что-то затаили въ себѣ. Всюду встрѣчаешь недовѣріе, какую-то скрытую вражду. Такъ и кажется, что они хотятъ тебя выпытать, узнать, единомысленникъ-ли ты ихъ, или противникъ, врагъ или пріятель? По временамъ приходилось слышать и крылато словцо „забастовка“. Вотъ, нанимаю подводу, чтобы отправиться обратно. Осматриваю экипажъ ямщика. Онъ на это сказалъ мнѣ: „что еще ломаться вздумалъ? Вѣдь мы буде и забастуемъ“.

Немного отраднато пришлось мнѣ встрѣтить. Отмѣчаю впрочемъ и нѣчто повидимому отраднато, чтобы не сгущать краски и не изображать неприглядность деревенской жизни преувеличено. Прихожу въ Петровъ день въ церковь. Вижу—стоитъ на лѣвомъ клиросѣ крестьянскій подростокъ съ видомъ интеллигента. Освѣдомляюсь. Оказывается—это питомецъ учительской семинаріи. Онъ держалъ въ рукахъ Апостолъ и готовился читать. Въ свое время онъ вышелъ, всталъ передъ амвономъ и прочиталъ положенное „зачало“. Потомъ всталъ на правый клиросъ и пѣлъ до конца обѣдни. Я такъ обрадовался этому, что своими наблюденіями въ тотъ-же день подѣлился съ мѣстнымъ священникомъ. „Да онъ сегодня именинникъ“, вставилъ батюшка. Дѣйствительно мнѣ показалось, что больше этого чтеца я не встрѣчалъ уже въ церкви.

Глубоко заинтересовало меня отчужденіе народа отъ Церкви и храма Божія.

Очевидно, эти два явленія—равнодушіе къ вѣрѣ и увлеченіе „освободительнымъ движеніемъ“ стоятъ въ тѣсной связи. Какъ могло проникнуть послѣднее такъ скоро въ глухую деревню?

Какъ успѣло укорениться здѣсь и увлечь за собою всѣхъ отъ мала до велика? Какъ это движеніе выродилось въ стремленіе освободиться отъ коренныхъ устоевъ русской народной жизни, отъ вѣры и Церкви?

Тутъ только для меня стало ясно, насколько опасно для народа это движеніе, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ повести оно. Какъ оно простой мирный Русскій народъ можетъ превратить въ грубую стихійную силу, направленную прежде всего противъ самыхъ-же освободителей.

Не удивляйся, читатель. Вотъ фактъ. Въ Вологдѣ нѣкоторое время издавалась „освободительная“ газетка. Она, повидимому, слишкомъ рьяно пеклась о народномъ благѣ, пѣла сладкія пѣсни о любви къ народу, заботахъ объ его нуждахъ и тому подобныхъ модныхъ матеріяхъ. На каждой страницѣ она увѣряла, что народъ любитъ читать ее, вѣритъ ей, ибо въ ней проповѣдуется истинная культура, истинное просвѣщеніе. Что-же оказалось? Газетка закрылась, отцвѣла, не успѣвши разцвѣсть. Почему? Потому что рабочіе типографіи многократно устраивали забастовку противъ... своихъ учителей, и дѣла редакціи съ каждымъ днемъ становились плоше. Наконецъ она совершенно изнемогла въ непосильной борьбѣ со зломъ, ею же посѣянномъ, и должна была прекратить свое существованіе.

Этотъ примѣръ взять на удачу. Можно бы привести и еще немало подобныхъ. „Освободители“ слишкомъ мало знаютъ народъ, а вѣрнѣе—ратуютъ не за народные, а за свои личные интересы... Иначе, они понимали бы, въ какую пропасть толкаютъ они Русскій народъ, желая оторвать его отъ тѣхъ вѣковыхъ устоевъ народной жизни, какъ вѣра и Церковь, которыми искони строилась Русская земля. Они понимали-бы, какъ опасно будить грубыя стихійныя силы необразованнаго народа, будить звѣря въ человѣкѣ, какое бурное пламя раздуваютъ они.

То правда, что за послѣднее время организмъ общественной и государственной жизни обнаруживаетъ на себѣ многіе болѣзненные наросты, а можетъ быть и гнойныя раны. То правда, что страна сильно нуждается въ преобразованіяхъ. Вотъ почему новое движеніе пришлось такъ по сердцу необразованному народу и нашло для себя благоприятную почву. Оно обѣщаетъ народу столь много благъ, и первое изъ нихъ—*обогащеніе на чужой счетъ*. Оно толкуетъ о другихъ пріятныхъ вещахъ: о равенствѣ, братствѣ, свободѣ... Вотъ почему народъ такъ падохъ

на новую проповѣдь и безъ особенныхъ разсужденій принимаетъ на вѣру эти толки.

Но вѣдь настоятельную нужду въ реформахъ сознаетъ Самъ Царь и Его правительство. Для того Онъ и созвалъ къ Себѣ народныхъ представителей, чтобы узнать отъ нихъ о *дѣйствительныхъ* нуждахъ народа и выработать новые законы, упорядочивающіе народную жизнь. Плохое дѣло при постройкѣ новаго зданія выбрасывать все старое, какъ хотять того „освободители“. Многое въ старомъ найдется годнаго, не изжившаго свой вѣкъ... Добрый хозяинъ тщательно разберетъ старое и что погнило употребитъ на дрова или выброситъ, а что есть годнаго, то опять употребитъ въ дѣло. Иное старое окажется прочнѣе новаго....

Напримѣръ, не просвѣщенному народу прежде всего нужно просвѣщеніе. Но вотъ вопросъ—какое? Вѣдь не всякое просвѣщеніе полезно. Вотъ и новое движеніе такъ рьяно заботится, по-видимому, о просвѣщеніи народа, всеобщемъ обученіи и т. п. Но тутъ нужно строго разбирать, что полезно и что вредно. Эта истина давно уже доказана незабвеннымъ „дѣдушкой“ И. А. Крыловымъ, который въ одной изъ своихъ басенъ писалъ такъ:

„Полезно-ль просвѣщеніе?

Полезно, слова нѣтъ о томъ;

Но просвѣщеніемъ зовемъ

Мы часто *роскоши прельщеніе*

И даже нравовъ развращеніе.

Такъ надобно гораздо разбирать,

Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,

Чтобы съ ней *и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,—*

Чтобъ не ослабитъ духъ ихъ, не испортитъ нравы,

Не разлучитъ ихъ съ простотой

И, давши только блескъ пустой,

Безславья не навлечъ имъ вмѣсто славы“..

И далѣе изображаетъ, какъ невѣжественный крестьянинъ, найдя червонецъ, сталъ его чистить о кирпичъ, чтобы онъ лучше блестѣлъ и за него дороже дали. Червонецъ заблестѣлъ, но въ немъ стало вѣсу мало и онъ потерялъ свою цѣну.

Такъ и съ народомъ. Нужно истинною просвѣщать не только его умъ, но главнѣе—сердце. Это ли просвѣщеніе имѣетъ въ виду новое освободительное движеніе? О немъ ли оно заботится? Что-то не слышно. То просвѣщеніе именуется *соціализмомъ*. Во главѣ его стоятъ *соціалъ-демократы* и *соціалъ-революціонеры*. Они все хотять подѣлать, сдѣлать общимъ. Отнять у богачей богатство, у фабрикантовъ заводы и фабрики, у землевладѣльцевъ землю и раздѣлить между всѣми. Но что проку въ этомъ? Какое это обогащеніе на чужой счетъ? Ты сегодня отнялъ, завтра у тебя отнимутъ и т. д. Тутъ право сильнаго. Какое же право основы-

вается на насиліи? Вотъ каково современное модное просвѣщеніе.

Вопросъ о томъ, какимъ путемъ проникло новое „просвѣщеніе“ въ среду народную, сами крестьяне разрѣшаютъ различно. Вѣрнѣе тутъ не одинъ путь, путей много. Одни говорятъ, что оно распространилось чрезъ современныя газеты и беллетристику, причемъ усердными ихъ распространителями и истолкователями явились интеллигентные „ходоки въ народъ“. Другіе добавляютъ, что значительную долю этой литературы принесли съ собою воины, вернувшіеся съ полей орошенной русскою кровію Манчжуріи, увлеченные тамъ пропагандой. Третьи дополняютъ: „село наше лежитъ на большой дорогѣ. Не разъ и не два проводили чрезъ это село поборниковъ „освободительнаго движенія“—ссылныхъ. Они дневали у насъ; научили дѣтокъ моднымъ пѣсенкамъ... Пѣсни проникли въ школу и распространились по селу“. Да и не въ томъ суть дѣла, какъ проникла зараза въ деревню. Важно, что она уже глубоко пустила свои корни и приноситъ свои плоды.

Какіе плоды—это также вполне или отчасти уже опредѣлилось. Во-первыхъ, усилилось пьянство народное. Съ каждымъ годомъ, не смотря на обѣднѣніе народа, увеличивается потребление „монопольки“. Народъ сдвинуть съ вѣковыхъ устоевъ, сдерживавшихъ бурное проявленіе размашистой русской натуры. Такими сдерживающими началами были вѣра и Церковь. Теперь эти узы ослабѣли. Нынѣ народъ толкуетъ о свободахъ, о счастіи, объ удовольствіяхъ, которыя цѣнить и понимаетъ по своему. Лишившись своей опоры, народъ невольно почувствовалъ душевную пустоту и разладъ. Скорбящее сердце, по старому обычаю, ищетъ забвенія въ упоеніи „до зеленаго змія“. Прежде, бывало, не найдешь въ лѣтній рабочій день крестьянина, предающагося этой страсти. А теперь это—обычное явленіе. Часто наблюдалось оно и въ той деревнѣ, жизнь которой мы изображаемъ. Другимъ слѣдствіемъ увлеченія новымъ движеніемъ являются аграрные беспорядки, наблюдавшіеся и въ упомянутой мѣстности. Крестьяне самовольно владѣютъ чужой землей и ничто не въ силахъ сдержать эту вольность. „Знать не знаемъ—земля наша“. Такъ отвѣчаютъ они хозяевамъ-собственникамъ, а также и мѣстной администраціи. Говорятъ, дѣло доходило уже и до вооруженныхъ столкновений.

Итакъ, можно поздравить новыхъ просвѣтителей съ крупнымъ успѣхомъ. Но мы видимъ, какой прокъ въ этомъ просвѣщеніи и къ чему ведетъ оно народъ. Нельзя не пожалѣть простой и добрый по природѣ Русскій народъ. Самозванные руководители сбиваютъ его съ толку, раздуваютъ пламя страстей народныхъ и ведутъ народъ къ гибели.

„Народъ, помни Бога!“ Такъ нѣкогда взывалъ громовымъ гласомъ одинъ русскій проповѣдникъ.

Благовременно и теперь повторять и неумолкаемо твердить этотъ призывъ. Благовременно чаще напоминать народу, что единственно истинное просвѣщеніе состоитъ въ укрѣпленіи въ немъ началъ св. вѣры и хрістіанской нравственности.

Особенно жаль дѣтей—малыхъ сихъ, по слову Спасителя. Какимъ ядомъ отравляютъ дѣтскія сердца, соблазняя ихъ и вселяя въ нихъ съ раннихъ лѣтъ духъ отрицанія и невѣрія! Трудно предвидѣть и изобразить все то зло, какое вселяютъ въ нихъ ихъ соблазнительш...

Воспрянь же духомъ, Русскій народъ! Помни, что далеко не все дурно въ твоей прошлой жизни, что есть много въ ней свѣтлаго и отраднаго. Этотъ свѣтъ давала тебѣ вѣра Хрїстова. Храни ее, какъ дорогое сокровище, опирайся на нее, какъ на якорь спасенія въ своихъ житейскихъ бѣдахъ и невзгодахъ. Чаще повторяй золотыя слова твоего поэта Кольцова:

„Подъ крестомъ—моя могила,
„На крестѣ—моя любовь!“

* *
* *
* *

СНІЯ БОЖІА И НЕЖИЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XLI.

Быстро стала теперь устраиваться моя судьба: черезъ три дня я выѣхалъ изъ Лебедяни съ сестрой Екатериной и Поленькой въ Москву, а изъ Москвы Поленьку съ транспортомъ товаровъ и нашей служанкой вскорѣ отправили въ Шуру. Меня Василій Дороеевичъ щедро надѣлилъ деньгами, самъ съ братомъ уѣхалъ на Нижегородскую ярмарку, а мы съ Екатериной возвратились въ Лебедянь. Такимъ образомъ были улажены всѣ пути для моего поступленія въ монастырь. Старшая сестра тоже рѣшила безъ меня не оставаться въ міру, а пожелала поступить въ Троекуровскую обитель, что вскорѣ и исполнила ¹⁾.

Теперь мнѣ нужно было ѣхать въ Балашовъ хлопотать объ

¹⁾ Теперь она живетъ схимонахиней въ Шамординской Казанско-Амвросіевой женской пустыни.

увольненіи изъ общества. Но и тутъ все устроилось сверхъ всякаго ожиданія необыкновенно легко и просто: само увольненіе ко мнѣ пожаловало изъ Балашова, не дожидаясь моихъ хлопотъ. Пока я собирался ѣхать, ко мнѣ принесли изъ полиціи объявленіе. Пришелъ я въ полицейское управленіе, а мнѣ и подають увольнительное свидѣтельство для поступленія въ иноческое званіе. Прислано оно было дядей моимъ по матери, Петромъ Андреевичемъ Скляровымъ, по письму моему, которое я успѣлъ написать ему передъ отъѣздомъ съ Поленькой въ Москву. Видно, нѣтъ заповоръ и стѣнъ, которые могли бы устоять въ часъ исполненія воли Божіей: не устояла передъ ней и канцелярская волокита... Оставалось мнѣ теперь рѣшить выборъ монастыря, въ который поступить, а затѣмъ уже всецѣло предать себя волѣ Божіей, а свою волю отсѣчь до самой гробовой крышки. Но куда было мнѣ идти? Казалось бы, что лучше въ Оптину или Площанскую пустыни, гдѣ меня знали и гдѣ всѣхъ я зналъ и все любилъ? Но—нѣтъ: что-то меня отвлекало отъ этихъ великихъ кораблей монашескаго спасенія, и мысль моя обращалась все больше въ сторону Лебедянскаго Троицкаго монастыря: манить меня его уединенный старый садъ съ заброшеннымъ срубомъ... Усердно я молился Богу, чтобы Онъ Самъ мнѣ указалъ мой путь. И увидѣлъ я сонъ: садъ; въ саду келья, а въ кельѣ стоитъ на колѣняхъ и молится инокъ съ сѣдой, окладистой, продолговатой бородой. Я спросилъ кого-то во снѣ: кто это? И мнѣ было отвѣчено: это ты!.. Тутъ я проснулся и недоумѣвалъ: гдѣ этотъ садъ и гдѣ эта келья? и въ этомъ недоумѣніи я пребывалъ до поступленія моего въ монастырь, когда я уже на яву увидѣлъ это мѣсто... Но объ этомъ я скажу въ свое время.

Въ селѣ Троекуровѣ жилъ и подвизался великій старецъ, Илларионъ Троекуровскій. Слава о его богоугодной жизни, молитвенныхъ подвигахъ и прозорливости была достояніемъ не одного только Тамбовскаго края, но и далеко за его предѣлами. Къ нему нѣкогда обращался за совѣтомъ въ положеніи нодобномъ, моему, о. Амвросій Оптинскій, когда еще былъ учителемъ Липецкаго духовнаго училища и отъ него онъ и получилъ указаніе той обители, гдѣ впоследствии и было прославлено Имя Божіе въ житіи этого великаго Оптинскаго старца. „Ступай въ Оптину“, сказалъ о. Илларионъ о. Амвросію, въ то время еще Александру Михайловичу Гренкову: „и будешь въ Оптиной опытенъ“... Къ этому то Божьему угоднику я и рѣшилъ обратиться за подобнымъ же совѣтомъ, положивъ въ своемъ сердцѣ отъ него уже не уклоняться, что бы мнѣ ни представилось потомъ на пути моемъ...

— Богъ благословитъ: ступай въ Лебедянскій монастырь!“—сказалъ мнѣ затворникъ Илларионъ.

Во мнѣ тотчасъ же заговорилъ духъ противорѣчія:

— Зачѣмъ же, батюшка, мнѣ туда, когда я уже жилъ въ Оптиной?

Минуты три, четыре, помолчалъ старецъ и опять повторилъ:

— „Поступи сперва въ Свято-Троицкій Лебедянскій, а тогда и въ Оптинскую пустынь“.

Я продолжалъ недоумѣвать, а старецъ мнѣ три или четыре раза повторилъ:

— „Да! это такъ: сперва—въ Троицкій Лебедянскій, а тогда уже въ Оптину Пустынь“.

Тутъ я вспомнилъ свое видѣніе старца, молящагося въ саду въ кельѣ, и мнѣ ясно представился срубъ мой въ монастырскомъ саду и мое первое въ немъ пребываніе. Короче сказать, я узналъ мѣсто—и рѣшился послѣдовать совѣту старца Иллариона.

Такъ началась вторая половина моей жизни.

XLII.

Слава и благодареніе благому Господу: слова и предсказанія блаженной памяти старца моего, іеросхимонаха Макарія, сбылись въ полномъ смыслѣ слова, и я, за святыми его молитвами, поступилъ, наконецъ, въ монастырь въ то самое время, когда, казалось, утрачена была всякая надежда выйти мнѣ изъ міра. Но „невозможное отъ человѣкъ, возможно отъ Бога“, и, воистину, сверхъ чаянія открылся мнѣ путь къ иночеству, какъ нѣкогда и писалъ мнѣ старецъ Макарій.

Передалъ я сестру свою, Поленьку, брату въ Москвѣ, и она, какъ я уже сообщалъ, отправилась въ Темиръ-ханъ-Шуру; сестрѣ Екатеринѣ устроилъ мѣсто въ Троекуровской женской общинѣ¹⁾ и самъ съ 27-го на 28-е Іюля 1860 года поступилъ въ Свято-Троицкій Лебедянскій монастырь. Настоятельствомъ тамъ въ то время казначей, онъ же духовникъ мой, о. Іоасафъ, который, склонившись на мои просьбы, обусловилъ мое поступленіе въ монастырь тѣмъ, что торжественно передъ святой иконой обѣщалъ мнѣ никогда не посылать меня въ міръ, особенно же съ пѣвчими „въ ходъ“ съ иконой Пресвятой Троицы. Кто знаетъ тяжесть соблазновъ для новоначальныхъ иноковъ этого послушанія, тотъ пойметъ, почему, при всемъ ревностномъ моемъ желаніи служить Богу въ иноческомъ званіи, я на первыхъ же порахъ своего поступленія въ монастырь рѣшился отказываться отъ одного изъ монастырскихъ послушаній.

Торжественно обѣщалъ мнѣ настоятельствующій исполнить мою просьбу, но... впоследствии измѣнилъ своему слову...

Угодно было Господу въ недовѣдомыхъ путяхъ Своихъ моего

1) Теперь монастырь.

спасенія подвергнуть въ этомъ монастырѣ пыль мой и ревность къ духовному подвигу тяжкимъ испытаніямъ и черезъ горнило величайшихъ искушеній провести меня до той святой и тихой пристани ¹⁾, возлюбленной духу, въ которой я пишу теперь, благодарно вспоминая все, казавшееся мнѣ зломъ монашескаго моего прошлаго.

„За Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе, но все сіе преодолеваетъ силою Возлюбившаго насъ“ (Рим. 8, 36, 37).

„Кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Ему?“...

Когда я шелъ въ обитель, на дорогѣ къ ней заблагоувѣстили въ большой колоколъ ко всенощному бдѣнію, а подходилъ я къ святымъ воротамъ, зазвонили во всѣ, и съ слезой величайшей признательности къ Виновнику моего освобожденія, я вступилъ, наконецъ, въ святую обитель съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не возвращаться въ міръ.

Уже на первыхъ порахъ моего вступленія въ монастырь мнѣ пришлось искать благоволенія того міра, отъ котораго я такъ хотѣлъ убѣжать: пришлось объ отведеніи мнѣ кельи просить не настоятеля, а... вдовствующую Лебедянскую купчиху Ѳ.....ю С.....у, домъ которой былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ настоятелемъ, и просьбы ея имѣли большое вліяніе на его волю. Келія была мнѣ отведена на верху корпуса большой келейной залы.

Послушаніе мнѣ было благословлено ко свѣчному ящику, на которомъ я пробылъ три года.

Недолго, однако, наслаждался я миромъ и спокойствіемъ въ стѣнахъ святой обители: исконный врагъ рода человѣческаго вскорѣ омрачилъ дни мои печалью. Сказано же: „чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе“.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня моего вступленія въ монастырь, какъ постигло меня уже второе по счету искушеніе (Первымъ я считаю то униженіе, которому пришлось подвергнуться, прося отвода мнѣ кельи у мірянки).—Стояли дни Покровской ярмарки. Въ монастырѣ было много именитаго и благочестиваго купечества, и свѣчная выручка была болѣе 200 рублей серебромъ. Стоялъ я у ранней литургіи и, видя все умножающуюся выручку—свѣчную и кошелевкую, подумалъ я: дай-ка я ее всю перенесу послѣ обѣдни въ Троицкую церковь—двери тамъ старинныя, прочныя, желѣзныя со внутреннимъ замкомъ да еще и другимъ прочнымъ замкомъ запираются съ накладной старинной цѣпью. Здѣсь же, думаю я, и двери плохи и замокъ плохой, слабый—какъ бы не ввести кого во искушеніе грѣхомъ

1) Скитъ Оптиной Пустыни.

святотатства. Задумано—сдѣлано: во время вечерни, незамѣтно для другихъ, перенесъ я всю выручку въ Троицкую церковь, оставивъ въ Покровской только для сдачи рублей двадцать пять.

На этотъ разъ предчувствіе мое меня не обмануло: на другой день, во время утрени, пошелъ пономарь Николай въ Покровскую церковь для приготовленія необходимаго къ служенію ранней литургіи и къ ужасу своему увидѣлъ въ притворѣ храма, что входныя двери въ церковь растворены, замокъ сбитъ и валяется на полу, а свѣчной ящикъ взломанъ, свѣчи повыкиданы и разбросаны и съ ними кое-гдѣ мѣдныя деньги. Побѣжалъ перепуганный пономарь къ настоятелю, настоятель послалъ гонца за мной, и мы втроемъ могли только убѣдиться въ одномъ, что были въ св. храмѣ грабители и что они безслѣдно скрылись. Я сказалъ настоятелю, что выручки было болѣе 200 рублей, и онъ, во избѣжаніе слѣдствія, строго на строго запретилъ и мнѣ, и пономарю разглашать о случившемся. Очень обрадовался настоятель, что я догадался припрятать выручку въ вѣрное мѣсто и благодарилъ меня за смѣливость.

Въ обители въ это время въ числѣ братіи былъ одинъ іеромонахъ изъ Тамбовскихъ дворянъ, о. Петръ, къ которому я имѣлъ особое душевное уваженіе и былъ съ нимъ въ отношеніяхъ столь близкихъ, что кромѣ него не имѣлъ собесѣдниковъ, и ему я открывалъ свою душу, какъ бы старцу. Зналъ я его еще тогда, когда въ первый разъ подвизался въ томъ монастырѣ въ саду, въ срубѣ. Часто мы съ нимъ, бывало, скорбѣли и вздыхали о безпорядкахъ, допущенныхъ слабымъ управленіемъ, и сокрушались о томъ неимовѣрномъ злѣ, которое вносятъ съ собою въ монастыри вдовствующее духовенство и семинаристы, исключенные изъ семинарій за неуспѣшность и безнравственное поведение. А такихъ въ обители нашей была большая часть всей братіи.

Вотъ, этому-то іеромонаху я и имѣлъ неосторожность и слабость въ дружественной, келейной, съ глазу на глазъ, бесѣдѣ рассказать о случившемся святотатствѣ. Могъ ли я думать, что въ его сердцѣ уже застѣяны были противъ меня врагомъ нашего спасенія сѣмена зависти, которая со временемъ не только въ немъ, но и во многихъ изъ моей Лебедянской собратіи разрослась до степени адской злобы? А между тѣмъ, сѣмена злобной зависти не только уже были застѣяны въ сердцѣ іеромонаха Петра, но уже ко времени моей откровенной съ нимъ бесѣды дали, какъ потомъ оказалось, и спѣлый злой плодъ. И вышло-то это все изъ-за того, что онъ былъ подверженъ слабости къ „лекарственному“, по-просту говоря—къ водкѣ, и ему въ обличеніе выставляли меня, какъ примѣръ достойнѣйшій подражанія. Угнетало его

это тѣмъ болѣе, что ктиторомъ онъ былъ самъ въ продолженіи болѣе десяти лѣтъ.

Что онъ наговорилъ про меня настоятелю послѣ нашей съ нимъ бесѣды, то осталось неизвѣстнымъ, но мнѣ пришлось перенести тяжкое испытаніе. Упоминаю я о случившемся не для того, чтобы обличать и бичевать въ другихъ пороки, но чтобы показать, какъ черезъ невнимательныхъ къ своему спасенію и къ жизни своей души, слабыхъ людей врагъ-діаволь строитъ свои ковы противъ всѣхъ хотящихъ жати свое спасеніе.

Наступила поздняя ночь. Я уже былъ въ своей кельѣ. Вдругъ въ келью мою не вошелъ, а ворвался самъ настоятель въ нетрезвомъ, прости Господи, видѣ. Я только что заснулъ, какъ услышалъ его грозный окликъ и страшный стукъ въ дверь моей кельи. Перепуганный, не чаявшій себѣ ниоткуда никакой бѣды, я вскочилъ съ кровати и отворилъ дверь. Не усилъ настоятель и ноги перенести черезъ порогъ кельи, какъ изступленнымъ голосомъ закричалъ на меня:

— „Вонъ, мошенникъ! Вонъ, сейчасъ же изъ обители, чтобы и духу твоего здѣсь не было!.. Мошенникъ э-та-кій!“...

И нанесъ онъ тутъ на меня такую брань, что я отъ испуга и отъ неожиданности не зналъ, что и дѣлать, и говорить. Трясаясь отъ испуга, я со слезами кланялся настоятелю въ ноги, прося его сказать мнѣ причину гнѣва, но тотъ и слышать ничего не хотѣлъ и только кричалъ:

— „Вонъ!—тебѣ говорятъ, мошенникъ! Вонъ, сейчасъ-же изъ кельи вонъ!... Еще спрашивать сталъ!.. Бери все свое и ступай, куда хочешь: ты намъ не нуженъ... Да ты и не можешь жить въ обители!“...

Валяясь у него въ ногахъ и обливая полъ слезами, я продолжалъ умолять его открыть мнѣ причину, за что онъ такъ на меня гнѣвается и, начиная догадываться, что не за мою ли откровенность съ о. Петромъ, я сталъ увѣрять настоятеля, что я никому ни про что не рассказывалъ и былъ только у одного о. Петра, но въ отвѣтъ на мои завѣренія онъ все продолжалъ кричать одно: „Вонъ! Ты не способенъ къ монастырской жизни“.

Можете себѣ представить мое положеніе? Куда мнѣ было идти? На дворѣ—ночь, денегъ—ни гроша да и отъ людей стыдно... Но дѣлать было нечего: я началъ, все продолжая стоять на колѣняхъ, умолять его, чтобы онъ дозволилъ мнѣ пребыть въ монастырѣ хотя бы до утрени, и онъ на это согласился только съ тѣмъ, чтобы, какъ ударятъ въ колоколъ къ заутрени, меня уже не было въ монастырѣ; и съ этимъ приказомъ настоятель вышелъ изъ моей кельи, продолжая и за дверью поносить меня всяческими унижительными словами.

Когда онъ ушелъ, остался я одинъ въ своей кельѣ, слезы за-

тмили мнѣ глаза мои, и я упалъ безпомощно передъ иконою Божіей Матери и долго безмолвно рыдалъ передъ нею. Выплакалъ я передъ Препоблагословенной скорбь мою и затѣмъ помоллся Ей, чтобы Она, Всесильная, отвела отъ меня козни вражды и смягчила начальническое сердце. Всю ночь я такъ промолился, и дивны дѣла Твоя, Господи!—еще не успѣли высохнуть мои слезы, передъ самой утреней на разсвѣтѣ, размышляя о томъ, что мнѣ предпринять, слышу я, что кто-то идетъ ко мнѣ. Какъ голубь забилося мое сердце, грудь стѣснилъ страхъ: ну, думаю, идутъ меня выгонять. Я весь обратился въ слухъ. Постучали ко мнѣ въ келью. Безмолвно отворилъ я двери, и колѣнки мои задрожали, когда я увидалъ опять вошедшаго ко мнѣ настоятеля... Велико-жъ было мое удивленіе, когда вмѣсто брани и грознаго окрика я услыхалъ отъ него вопросъ:

— „А ты, небось, всю ночь проскорбѣлъ?“

— „Какъ же, батюшка, было мнѣ не скорбѣть!“—отвѣтилъ я и при этихъ словахъ опять горько заплакалъ и упалъ ему въ ноги, прося простить меня.

— „Нѣтъ, ты меня прости“,—сказалъ онъ и упалъ мнѣ въ ноги: „я узналъ теперь, что ты не виноватъ—это меня смутили, оболгавъ тебя. Не бойся! Я нарочно пришелъ пораньше, чтобы ты остановился собирать. Пожалуйста, прости—я невинно оскорбилъ тебя, но что дѣлать—такое ужъ вышло искушеніе!“

Но и мнѣ уже было не до претензій—такъ обрадовала меня милость Божія. Я цѣловалъ руки настоятеля и только могъ говорить одно:

— „Богъ вамъ простить, меня простите!“

И мы разстались съ нимъ во взаимномъ мирѣ.

Такъ и не удались врагу его хитро-сплетенныя козни.

Сергій Нилусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).